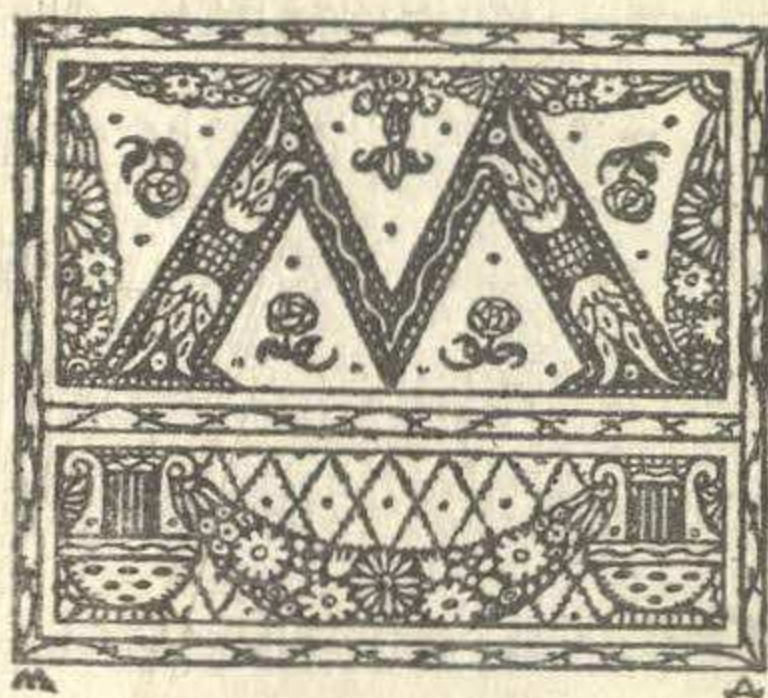

ВОСПОМИНАНІЯ О НИЖЕГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ 60-хъ ГОДОВЪ.

П. МОРОЗОВА.

ОИ первыя театральныя впечатлѣнія,—впечатлѣнія дѣтства и ранней юности,—неразрывно связаны съ Нижегородскимъ театромъ.

Я былъ еще ребенкомъ, когда моя бабушка, женщина простая и набожная, вечеромъ, укладывая меня спать, шопотомъ рассказывала мнѣ, какъ въ зимнюю ночь, незадолго до моего рожденія, мирно спавшія улицы, въ тѣ времена еще довольно глухого Нижняго, вдругъ освѣтились яркимъ заревомъ и наполнились шумомъ пожарной тревоги: то горѣлъ старый деревянный театръ, стоявшій невдалекѣ отъ архіерейскаго дома, на одной изъ лучшихъ улицъ. А строгій архіерей Іеремія, выйдя на крыльцо, широкимъ крестомъ осѣнилъ пламя, охватившее «домъ дьявола»,—и пламя, послушное высшему велѣнію, испепелило этотъ домъ до основанія. Нѣсколько лѣтъ можно было еще видѣть это пепелище, обнесенное наскоро сколоченнымъ дырявымъ заборомъ. И всякій разъ, когда бабушка, гуляя со мною, проводила меня мимо «проклятаго мѣста», мнѣ становилось жутко; я тѣсно прижимался къ ней и старался ускорить шаги или перебѣжать на другую сторону улицы. А вечеромъ, ложась спать, непременно приставалъ къ старушкѣ съ просьбой опять рассказать о страшномъ пожарѣ, о дьяволѣ и о томъ, какъ тѣшили его въ проклятомъ домѣ.

— «Да ну тебя, грѣховодникъ, — скажетъ, бывало, бабушка: къ ночи-то и поминать его, рогатаго, грѣхъ тяжкій!»

Но маленькій грѣховодникъ не унимался и, въ концѣ концовъ, добившись своего, съ затаеннымъ страхомъ въ десятый разъ выслушивалъ все то же повѣствованіе,—и долго потомъ мерещились ему во снѣ: то яркіе взлеты пламени, то черный рогатый бѣсъ, то суровый старецъ, благословляющій разрушеніе нечестиваго капища...

ВОСПОМИНАНІЯ О НИЖЕГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ 60-ХЪ ГОДОВЪ.

Вскорѣ потомъ для этого капища было отстроено новое зданіе, — небольшое, всего въ три этажа, въ самомъ центрѣ города, на Благовѣщенской площади, у Зеленскаго съѣзда, соединяющаго верхній городъ, или, какъ говорятъ въ Нижнемъ, «верхній базаръ», съ берегомъ Волги или «нижнимъ базаромъ». Случилось такъ, что наша семья поселилась въ близкомъ сосѣдствѣ съ этимъ новымъ театромъ, — всего черезъ два дома. Мы жили на дворѣ, во флигелѣ, а другой небольшой флигелекъ дома, въ три окошечка съ мезониномъ, выходившій на улицу, былъ занятъ очень скромнымъ «заведеніемъ» театральнаго парикмахера Стрепетова. На дворѣ возвышалась большая куча песку, на которой я просиживалъ цѣлые часы, выдѣлывая съ помощью деревянныхъ чашечекъ и стаканчиковъ десятки «булокъ» и «гречушниковъ». Сюда ко мнѣ почти всегда приходила худенькая болѣзненная и неуклюжая дѣвочка, лѣтъ на пять, на шесть старше меня, — дочь парикмахера, Поля. Она играла со мною въ песочную «кондитерскую», въ мячъ, въ горѣлки, въ прятки, но чаще любила сидѣть, обнявъ меня или положивъ мою голову къ себѣ на колѣни и перебирая пальцами курчавые мои волосенки, и слушать мою дѣтскую болтовню. А то, бывало, начнетъ и сама рассказывать о томъ, какъ она ѣздила съ отцомъ за Волгу, въ большое село Боръ, что стоитъ какъ разъ насупротивъ Нижняго, на луговомъ берегу, и какой тамъ былъ базаръ, съ пряниками, орѣхами и прочими сладостями, которыхъ ей накупили цѣлый платокъ, и какая тамъ красивая церковь; или о томъ, какъ она въ воскресенье ходила въ женскій монастырь, гдѣ молодыя монашенки клеятъ такія чудныя коробочки въ видѣ книжекъ съ золотымъ обрѣзомъ. И она дарила мнѣ такія коробочки, принесенныя изъ монастыря, отъ которыхъ пахло не то клеемъ, не то ладаномъ, и все чаще и чаще задумываясь о монастырскомъ житьѣ, повторяла рассказы о томъ, какіе чудные цвѣты растутъ въ монастырскомъ саду и какъ хорошо поютъ чернички на крылосѣ... «Вотъ, выросту побольше, — уйду въ монастырь!» мечтательно повторяла она. А мнѣ при этихъ словахъ становилось больно и грустно, и я начиналъ плакать и уговаривалъ Полю не уходить, не оставлять меня, и сердился на нее, и

бранилъ, а иногда принимался и колотить, за что, въ свою очередь, получалъ отъ нея колотушки. На слѣдующій день ссора кончалась миромъ и ласками, а затѣмъ Поля опять заводила рѣчь о монастырѣ, — и опять повторялся прежній споръ со всѣми его послѣдствіями...

Много лѣтъ спустя, я имѣлъ случай напомнить знаменитой артисткѣ Пелагеѣ Антиповнѣ Стрепетовой эту мимолетную страничку изъ нашей общей дѣтской жизни.

Подруга моихъ дѣтскихъ игръ, между прочимъ, рассказывала мнѣ и про театр. Отъ нея узналъ я, что люди собираются туда вовсе не затѣмъ, чтобы кланяться дьяволу, котораго тамъ вовсе и нѣтъ, а затѣмъ, чтобы слушать музыку и пѣніе и видѣть танцы и много, много другихъ красивыхъ и интересныхъ вещей. И мнѣ такъ захотѣлось побывать въ этомъ завѣтномъ домѣ, стѣны котораго были увѣшаны огромными, въ большой газетный листъ, афишами, иногда (въ бенефисные дни) красными, зелеными, желтыми, что я неотступно просилъ мою мать взять меня съ собой въ театръ. Наконецъ, мое желаніе исполнилось: однажды вечеромъ мать одѣла меня въ праздничный костюмъ и привела въ театръ, гдѣ ею взята была ложа. Мнѣ было въ ту пору уже лѣтъ семь, и на увѣщанія вести себя смирно и не разговаривать громко я отвѣчалъ уже съ нѣкоторою обидчивостью, что я — «не мальчишка». Однако, видъ театральной залы, ярко освѣщенной и наполненной нарядною публикою, музыканты съ невиданными дотолѣ инструментами, яркій занавѣсъ, изображавшій, кажется, какой-то веселый пейзажъ, и вообще необычныя впечатлѣнія сразу заставили меня забыть о солидности: я началъ всюду показывать пальцами и громко спрашивать: «Это что? А это что?» Этимъ проявленіямъ моего любопытства былъ сейчасъ же положенъ предѣлъ строгимъ замѣчаніемъ матери, что если я еще разъ крикну, то сидящій въ креслахъ полиціимейстеръ велитъ вывести меня изъ театра. Я умолкъ и все время со страхомъ поглядывалъ на нашего добраго знакомаго, полиціимейстера Каргера, и мнѣ казалось, что его длинные черные усы какъ-то таинственно шевелятся, словно указывая на меня... Но вотъ оркестръ умолкъ, поднялся

воспоминанія о нижегородскомъ театрѣ 60-хъ годовъ.

занавѣсъ: по сценѣ расхаживали и громко разговаривали между собою какіе-то странные люди, никогда мною не виданные. «Это ряженые», рѣшилъ я. «Однако, ряженые ходятъ только на святкахъ, а теперь до святокъ еще далеко; стало быть, въ театрѣ всегда святки?» Мнѣ очень хотѣлось выяснить этотъ вопросъ, но усы Каргера заставляли меня молчать. Среди ряженыхъ особенно выдѣлялся одинъ — большой, черный, съ бѣлыми, страшными глазами. Онъ и ходилъ какъ-то особенно, и говорилъ такъ, что я не понималъ ни одного слова. «Неужели дьяволъ?» — мелькнуло въ дѣтскомъ умѣ. «Мама, это кто?» — «Шш... молчи!» Только въ антрактѣ на мои нетерпѣливые вопросы мнѣ наскоро объяснили, что на сценѣ «играютъ» актеры и актрисы и что черный — не дьяволъ, а такой же актеръ, какъ и всѣ прочіе, только родомъ изъ Африки, гдѣ всѣ люди такіе же черные. Долго тянулся спектакль, и не помню, что я дѣлалъ во время представленія и въ антрактахъ. Вѣроятно, просто спалъ, потому что привыкъ ложиться рано. Но къ послѣднему дѣйствию я проснулся — и съ ужасомъ увидѣлъ, что страшный черный дьяволъ съ огромными бѣлыми глазами душитъ на постели маленькую бѣленькую дѣвочку. Я заоралъ во все горло — и былъ тотчасъ же уведенъ матерью изъ театра, — кстати, и представленіе уже окончилось...

Это было представленіе «Отелло» съ участіемъ всемірно извѣстнаго артиста Айра-Ольдриджа. Поля Стрепетова также была на этомъ спектаклѣ и потомъ много рассказывала мнѣ о черномъ Отелло и о несчастной Дездемонѣ, и, слушая эти рассказы, я заливался горячими слезами и отъ всей души проклиналъ «чернаго дьявола».

Несмотря на мое неприличное поведеніе въ театрѣ, за которое мнѣ дома порядкомъ-таки досталось, мать не отказывала мнѣ въ этомъ новомъ для меня удовольствіи и довольно часто брала меня съ собой въ ложу и въ городѣ и на ярмарку. Такъ я мало по малу пристрастился къ театру, и «театральныя книги» скоро стали моимъ любимымъ чтеніемъ. Я доставалъ ихъ то у Стрепетовыхъ, то у театрального портного Алексѣя Федоровича, съ которымъ свелъ близкое знакомство. Этотъ портной, много

лѣтъ проведеншій за кулисами, любилъ разсказывать всевозможныя театральныя исторіи, передавалъ содержаніе пьесъ и мастерски (такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ тогда казалось) изображалъ актеровъ. Отъ него я перенялъ множество водевильныхъ куплетовъ, которые любилъ распѣвать. Нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ сохранились въ моей памяти. Другой интересный человѣкъ, отъ котораго я впервые, и при очень своеобразной обстановкѣ, услышалъ гоголевскаго «Ревизора», былъ полицейскій «хожалый» Михаилъ Акимовичъ, иногда забѣгавшій къ намъ на кухню къ своей кумѣ-кухаркѣ. Онъ былъ совершенно неграмотенъ, но обладалъ удивительною памятью и по слуху выучилъ наизусть «Страшную Месть» и «Ревизора». Придетъ, бывало, вечеркомъ въ кухню, поднесутъ ему рюмочку; онъ возьметъ первую попавшуюся книгу, положитъ ее передъ собой — будто читаетъ, и начнетъ: «Ревизоръ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Гоголя. Дѣйствующія лица.. Дѣйствіе первое... Я пригласилъ васъ, господа...» и такъ до конца, со всѣми «скобками» и ремарками, безъ ошибки. Услышавъ въ первый разъ это фокусное чтеніе, я былъ просто внѣ себя отъ восторга и просилъ отца непременно и какъ можно скорѣе достать мнѣ «Ревизора», котораго прочелъ нѣсколько разъ кряду и тоже выучилъ почти слово въ слово раньше, чѣмъ увидѣть его на сценѣ... «Страшная Месть», конечно, тоже произвела на меня очень сильное впечатлѣніе, но я огорчился тѣмъ, что хотя въ повѣсти и много разговоровъ, однако, это все же не пьеса, а потому и хуже «Ревизора».

Мнѣ шелъ уже десятый годъ, и я бѣгалъ въ гимназію съ «красной говядиной» на околышѣ и воротникѣ, а по вечерамъ меня неудержимо влекло въ театръ—и, выпросивъ у матери двугривенный, я спозаранку забирался въ раекъ, чтобы обезпечить себѣ хорошее мѣсто (мѣста были не нумерованныя) и Боже упаси!—не пропустить начала спектакля. Въ театрѣ для меня все было прекрасно, все обладало какою-то особенною прелестью: и афиши на большихъ листахъ мягкой бумаги (а въ бенефисы—на папиросной), пахнувшія свѣжей типографской краской, которая печаталъ въ самомъ же театрѣ, на ручномъ станкѣ, сынъ стараго актера Сахарова, по

воспоминанія о нижегородскомъ театрѣ 60-хъ годовъ.

вечерамъ исполнявшій обязанности «билетчика» на галеркѣ,—и музыканты, долго настраивавшіе свои скрипки, и даже запахъ ламповаго масла, который чувствовался уже при самомъ входѣ въ театръ и не покидалъ зрителя до выхода... О сценѣ и о томъ, что на ней происходило, нечего и говорить: я весь обращался въ слухъ и зрѣніе, не пропускалъ ни малѣйшей подробности, ни одного слова. Въ ту пору, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, театръ занималъ довольно видное мѣсто въ жизни нижегородскаго общества; имъ увлекались, его охотно посѣщали мѣстные «нотабли», которые и сами были не прочь иногда устроить «благородный» спектакль или концертъ, а иногда появлялись на сценѣ и съ профессиональными актерами. Такъ, на примѣръ, сынъ крупнаго пароходовладѣльца и хозяинъ одной изъ лучшихъ въ городѣ «Почтовой» гостиницы, Булычевъ, игралъ однажды роль Сюлливана въ пьесѣ «Любовь и Предразсудокъ»; братья Александръ и Николай Васильевичи Сапожниковы, особенно—второй изъ нихъ, также иногда участвовали въ «актерскихъ» спектакляхъ. Бывали случаи, что лица изъ «общества», увлеченные театромъ, становились заправскими актерами. Однимъ изъ такихъ былъ Н. В. Граве, раньше бывшій, если не ошибаюсь, нотариусомъ. Большой пріятель моего отца, архитекторъ Николай Адамовичъ Фрелихъ, обладавшій красивымъ басомъ и замѣчательно хорошо исполнявшій модные въ то время романсы, частенько выступалъ въ концертахъ, которые устраивались то въ Дворянскомъ собраніи, то въ губернаторскомъ «дворцѣ» родственницей добродушнаго, немножко «опереточнаго» губернатора, Алексѣя Алексѣевича Одинцова. Къ этой же компаніи театраловъ принадлежалъ извѣстный въ свое время нижегородскій дѣятель Евгеній Ивановичъ Рагозинъ, впоследствии переселившійся въ Петербургъ и бывшій однимъ изъ ближайшихъ участниковъ гайдебуровской «Недѣли». Ловкій и разсчетливый антрепренеръ Федоръ Константиновичъ Смольковъ, сухощавый, молодившійся старичекъ въ старательно завитомъ черномъ парикѣ и страшный заика, о которомъ по городу ходили самые смѣшные анекдоты, умѣло поддерживалъ это увлеченіе театромъ, стараясь привлечь въ свою труппу лучшія силы изъ

другихъ провинціальныхъ театровъ и выписывать на гастроли московскихъ и петербургскихъ знаменитостей. Благодаря Смолькову, Нижній видѣль и Щепкина, и Садовскаго, и Живокини, и Самойлова, и многихъ другихъ артистовъ и артистокъ, имена которыхъ украшаютъ исторію русскаго театра. У него же начинали свое сценическое поприще такіе крупные впоследствии дѣятели театра, какъ Н. И. Арди, А. П. Ленскій и др. Какъ теперь помню первый дебютъ Ленскаго на нижегородской сценѣ, въ какомъ то переводномъ съ французскаго водевилѣ, въ роли влюбленнаго садовника Жано. Водевиль начинается тѣмъ, что Жано стоитъ въ саду на складной лѣстницѣ и поетъ:

Ну, скажите, ради Бога,
Ктонибудь изъ людей
Посмотрѣлъ бы хоть немного,
Что теперь я сталъ за звѣрь!
Знать, такимъ ужъ я родился:
Былъ простакъ-простакомъ,
А съ тѣхъ поръ, какъ я влюбился,
Сталъ дуракъ-дуракомъ!

Могъ ли ктонибудь въ то время угадать будущую славу этого робкаго и довольно еще неловкаго на сценѣ молодого актера?

Арди уже и тогда выбралъ себѣ спеціальною простонародныя роли и чаще всего появлялся мужикомъ, какъ, напр., въ водевилѣ «Ямщики или какъ гуляетъ староста Семень Ивановичъ» (роль старосты), или купчикомъ въ комедіяхъ Островскаго, а въ дивертисментахъ распѣвалъ народныя пѣсни и «мужицкіе» куплеты.

Театръ былъ очень невеликъ: въ партерѣ было не больше 60-ти кресель и стульевъ, затѣмъ два яруса, считая и бенуаръ, занимали ложи, въ третьемъ ярусѣ находилась галлерея и сзади нея—раекъ. Цѣны на мѣста были дешевыя, повышавшіяся процентовъ на десять только въ бенефисы. Кстати сказать, слово «бенефисъ», бывшее въ ходу въ разговорной рѣчи, почему то никогда не появлялось на афишахъ; тамъ всегда печаталось:

ВОСПОМИНАНІЯ О НИЖЕГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ 60-ХЪ ГОДОВЪ.

«Въ пользу» такого-то или такой-то дано будетъ то-то, причеиъ имя бенефицианта набиралось крупнымъ шрифтомъ, а самъ онъ долженъ былъ развозить билеты городскимъ нотаблямъ и взимать съ нихъ добротныя даянія.

Общее увлеченіе театромъ отъ старшихъ передавалось и младшему поколѣнію. Среди моихъ товарищей по гимназіи, начиная уже съ перваго класса, было не мало любителей бѣгать въ раекъ или галерку и въ перемѣны между уроками нерѣдко можно было слышать оживленную болтовню о вчерашнемъ спектаклѣ. Я былъ, конечно, въ числѣ самыхъ ярыхъ поклонниковъ театра, и въ длинномъ шуточномъ стихотвореніи, содержащемъ въ себѣ характеристику всѣхъ моихъ одноклассниковъ, обо мнѣ было сказано:

А Морозовъ театралъ
Всѣ афиши обобралъ.

Дѣйствительно, я тщательно пряталъ афиши всѣхъ спектаклей, на которыхъ бывалъ. Онѣ были у меня сложены въ строгомъ порядкѣ, и время отъ времени я любилъ ихъ перечитывать, припоминая тѣ или другія подробности видѣннаго. За время моего пребыванія въ гимназіи эта коллекція успѣла вырости до нѣсколькихъ сотенъ нумеровъ, но потомъ была мною безжалостно выброшена, какъ и многое другое, когда я уѣзжалъ изъ роднаго города въ Петербургъ, въ университетъ.

Поклоненіе театру восторженно дѣлилъ со мною мой ровесникъ и неразрывный въ ту пору другъ Паша Ключевской. Онъ не только почти всегда сопутствовалъ мнѣ въ театрѣ, но даже самъ устроилъ маленькій «настольный» театрикъ, для котораго писалъ декорации, покупалъ куклы, самъ шилъ для нихъ костюмы и разыгрывалъ цѣлыя драмы. Нечего и говорить, что я—часто единственная «публика» этихъ представленій—усердно ему помогалъ. Впослѣдствіи Ключевской вышелъ изъ гимназіи и поступилъ на сцену.

Спектакли въ нижегородскомъ театрѣ обыкновенно давались зимою три раза въ недѣлю, а въ лѣтнемъ театрѣ, на ярмаркѣ, каждый день.

Публика партера была, большею частью, все одна и та же: у оркестра неизмѣнно можно было видѣть завзятыхъ театраловъ Сапожниковыхъ; красивую фигуру стройнаго, высокаго старика съ сѣдыми курчавыми волосами,—декабриста Ивана Александровича Анненкова, бывшаго первымъ предсѣдателемъ нижегородской губернской земской управы; всегда гладко выбритаго и тщательно одѣтаго Константина Антоновича Шрейдерса, который въ 1857 г. пріютилъ у себя случайно попавшаго въ Нижній Шевченка и близко сошелся съ злополучнымъ изгнанникомъ-поэтомъ; его друзей—архитектора Н. А. Фрелиха и молодого аптекаря Н. В. Эвеніуса и еще нѣсколько другихъ лицъ, всѣмъ намъ болѣе или менѣе близко знакомыхъ и постоянно встрѣчавшихся во время обычныхъ вечернихъ прогулокъ на городскомъ бульварѣ. Тутъ же, облокотившись о барьеръ и иронически поглядывая на публику сквозь пенснэ, стоялъ обыкновенно высокій худощавый молодой человѣкъ съ длинной эспаньолкой—мѣстный литераторъ и земскій дѣятель, товарищъ по гимназіи П. Д. Боборыкина, Александръ Серафимовичъ Гацискій, писавшій въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» театральныя рецензіи подъ псевдонимомъ Бирюкъ. Изъ этихъ рецензій имъ былъ составленъ и изданъ въ 1867 г. небольшой очеркъ исторіи нижегородскаго театра, гдѣ, наряду съ фактическими данными, найдется не мало страницъ, довольно-таки забавныхъ по своему «обывательскому» стилю. Въ ту пору мы, гимназисты, очень усердно читали статейки Бирюка, и я живо помню, какую сенсацію вызвало однажды его появленіе въ нашей гимназіи, куда онъ зашелъ къ своему пріятелю, инспектору. Пріѣзжали въ театръ и представители нижегородскаго купечества, занимавшіе обыкновенно ложи со всѣми своими чадами и домочадцами, съ сѣстными припасами и напитками, чтобы было чѣмъ заняться въ антрактахъ; нѣкоторые изъ купцовъ, въ огромныхъ лисьихъ шубахъ и валеныхъ калошахъ, прямо шли въ первый рядъ, гдѣ шубу подстилали подъ себя, а калоши ставили подъ кресла. На ярмаркѣ публика была, конечно, особенная: здѣсь появлялось много пріѣзжихъ гостей: бывали и татарскіе коммерсанты въ богатыхъ, расшитыхъ золотомъ, тюбетейкахъ, и армяне, и персы въ высокихъ ба-

ВОСПОМИНАНІЯ О НИЖЕГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ. 60-ХЪ ГОДОВЪ.

рашковыхъ шапкахъ, и разные иностранцы, наѣхавшіе на «всероссійскій торгъ». Ярмарочный театръ, хотя выстроенный изъ дыряваго барочнаго лѣса, съ скрипучими полами и лѣстницами, былъ гораздо просторнѣе городского. Тутъ же, въ самомъ театрѣ, наверху, помѣщались и актеры въ особыхъ «нумерахъ», очень тѣсныхъ и, какъ любили острить актеры, «съ протекціей и продукціей», потому что въ нихъ и крыши текли и вѣтеръ продувалъ сквозь всѣ щели. Рассказывали, что заботливый Смольковъ иногда запиралъ свою труппу днемъ на замокъ, чтобы предохранить артистовъ отъ излишняго угощенія и обезпечить вечерній спектакль. Во всякомъ случаѣ, доступъ въ «нумера» не былъ легокъ: у дверей вѣчно торчалъ «нѣкто, ограждающій входы», и взималъ съ посѣтителей нѣкоторую дань...

Репертуаръ того времени, о которомъ я говорю, т. е. второй половины 60-хъ годовъ, отличался чрезвычайнымъ и характернымъ разнообразіемъ. Съ одной стороны, театръ жилъ еще преданіями сороковыхъ годовъ, и на сценѣ то и дѣло появлялись драмы Полевого и Кукольника, старинные водевили и даже оперы, вродѣ «Аскольдовой могилы», «Волшебнаго стрѣлка» и «Волшебной флейты»; однажды была поставлена и очень понравилась публикѣ феерія: «Вотъ такъ пилюли, что въ ротъ, то спасибо», обставленная, въ смыслѣ театральной техники, довольно прилично. Часто давались также французскія мелодрамы, какъ, напр., «Серафима Лафайль», «Графиня Клара д'Обервиль», «Женевская сирота», знаменитое «Материнское благословеніе», переведенное Некрасовымъ, «Тридцать лѣтъ или Жизнь игрока», «Дѣтскій докторъ» и др. Наряду съ ними шелъ «Гамлетъ» и Лермонтовскій «Маскарадъ». Любила публика также и старинныя маленькія оперы: «Сорока-воровка», «Дочь полка», «Кетли», «Женщина-лунатикъ», «Сиротка Сусанна» и т. п., въ ту пору въ столицахъ уже давно сданныя въ архивъ. А съ другой стороны, все сильнѣе и сильнѣе проявлялись новыя театральныя вѣянія: пьесы Островскаго, Потѣхина, Писемскаго, затѣмъ—Дьяченки, Чернявскаго, Манна и другихъ новыхъ драматурговъ того времени все чаще и чаще стали занимать сцену, хотя и не всѣ въ одинаковой степени привлекали публику. Островскій и Потѣ-

хинъ пользовались неизмѣннымъ успѣхомъ, тогда какъ, напр., «Гражданскій бракъ» Чернявскаго даже у снисходительныхъ нижегородцевъ потерпѣлъ полную неудачу.

Вообще, нижегородскій театръ «шелъ за вѣкомъ» и старался не отставать отъ столичной моды: вѣдь недаромъ же сказано, что «Нижній городокъ—Москвы уголокъ». Когда въ сезонъ 1865—1866 гг., на столичныхъ сценахъ появился Оффенбахъ, и вчерашные благородные отцы, резонеры и драматическіе любовники запѣли игривые мотивы и заплясали канканъ, тогда и нижегородцы увидѣли на своей сценѣ сначала «Орфея въ аду», потомъ «Десять невѣстъ» и, наконецъ, знаменитую «Прекрасную Елену», и нельзя сказать, что въ убогой обстановкѣ; наоборотъ, оперетка, какъ новый видъ зрѣлища, какъ «великая приманка» того времени, требовала большого и добросовѣстнаго напряженія силъ артистическихъ и матеріальныхъ.

«Орфей въ аду» былъ поставленъ на нижегородской сценѣ «въ пользу» недавно поступившаго въ труппу молодого талантливаго артиста Ник. Вас. Самойлова (сынъ Василя Васильевича). Бенефициантъ игралъ роль Ваньки Стикса и въ куплеты аркадскаго принца вставилъ отъ себя слѣдующій пассажъ, вызвавшій шумныя рукоплесканія:

Когда я былъ аркадскимъ принцемъ,
 Ызжалъ я въ Питеръ и въ Москву;
 Тамъ безголосые актеры
 Давали фарсъ «Орфей въ аду».
 Такъ отчего же и намъ грѣшнымъ
 Примѣръ столичный не принять?
 По средствамъ тамошнимъ и здѣшнимъ
 Насъ невозможно и равнять!

Орфея въ этой опереткѣ игралъ А. П. Ленскій.

Въ пору особеннаго увлеченія историческими драмами нижегородская сцена не отставала отъ другихъ и въ этомъ отношеніи. Недаромъ въ то время сложилась поговорка, что гимназистамъ нечего и заглядывать въ Иловайскаго,—достаточно чаще ходить въ театръ. Въ какіе-нибудь два—

воспоминанія о нижегородскомъ театрѣ 60-хъ годовъ.

три сезона мы пересмотрѣли чуть ли не весь русскій историческій репертуаръ, начиная съ Полевого и Кукольника, продолжая Островскимъ и Чаевымъ и кончая Аверкіевымъ и Самаринимъ («Самозванецъ Луба»). Много разъ мы слышали, «какъ въ драмѣ хвасталъ Ляпуновъ»—и прозой, и стихами, видѣли и разныхъ Самозванцевъ, и своего земляка Минина, гробница котораго въ нижегородскомъ кафедральномъ соборѣ украшена надписью:

Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей Россіи свободитель...

Видѣли также и новгородскаго купца Иголкина въ плѣну у злокозненныхъ шведовъ и боярина Басенка, зычно вопіявшаго:

Посторонитесь! Левъ бѣжалъ изъ клѣтки,
Быкъ съ бойни сорвался! Посторонитесь!

и много разъ повторяли трогательную обмолвку актера въ одной изъ драмъ Кукольника:

Что, братъ?

И на твоей слезѣ щека повисла?

Въ 1867 году на ярмаркѣ была поставлена даже трагедія гр. А. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго». Этой постановкой Нижній былъ обязанъ петербургскому артисту А. А. Нильскому, которому страшно хотѣлось сыграть Грознаго, но въ Петербургѣ не удалось получить этой роли, игранный сперва В. В. Самойловымъ, а потомъ П. В. Васильевымъ. Чтобы осуществить свое завѣтное желаніе, Нильскій вошелъ въ переговоры съ Смольковымъ и выхлопоталъ для него разрѣшеніе на постановку трагедіи, въ то время еще не дозволенной для провинціальныхъ театровъ. Кромѣ того, Нильскимъ же даны были и всѣ указанія для монтировки по петербургскому образцу. Приѣхавъ въ Нижній дней за десять до спектакля, онъ лично руководилъ репетиціями и вообще очень старался «показать товаръ лицомъ», себя же—въ особенности. Нечего и говорить, что представленіе

трагедіи Толстого было праздникомъ для нижегородскихъ театраловъ и что театръ былъ переполненъ. Нильскій, однако, сыгралъ Грознаго два или три раза, не вызвавъ особеннаго восторга у публики, а затѣмъ, посорившись съ Смольковымъ, уѣхалъ изъ Нижняго. Смольковъ былъ очень опечаленъ, но его выручилъ «старѣйшина» труппы, актеръ Трусовъ: оказалось, что онъ втихомолку уже успѣлъ разучить роль Грознаго и, благодаря своей способности къ подражанію, довольно успѣшно воспроизвелъ тонъ и манеру петербургскаго гастролера. Нижегородцы отдали должную справедливость усердію своего давнишняго знакомца, а нѣкоторые, — конечно, ради мѣстнаго «патріотизма», — увѣряли даже, что Трусовъ былъ въ роли Грознаго лучше Нильскаго.

Одною изъ характерныхъ особенностей въ спектакляхъ того времени, преимущественно въ бенефисныхъ, былъ «дивертиссементъ», составленный по программѣ: «чего хочешь, того просишь». Тутъ, на примѣръ, читались стихотворенія Некрасова — «Размышленія у параднаго подъѣзда», «Убогая и нарядная», «Арина, мать солдатская» и др.; пѣлись романсы Варламова, Глинки, Дюбюка, игривые куплеты; рассказывались сцѣны изъ народнаго быта (въ нихъ особенно отличался Арди); молоденькая актриса Сорокина 2-я (вышедшая впоследствии замужъ за А. П. Ленскаго) танцевала качучу или модную польку Folichons; иногда пѣвецъ выходилъ съ хоромъ, въ подобающей костюмировкѣ, и исполнялъ арію Неизвѣстнаго изъ «Аскольдовой могилы»: «Въ старину живали дѣды...» или арію Сусанина: «Чуютъ правду!..» словомъ, въ разнообразіи недостатка не было, какъ не было недостатка и въ рукоплесканіяхъ публики. Но особенно громкія рукоплесканія, съ безконечными требованіями повтореній, доставались на долю такъ называемыхъ «международныхъ» дивертиссементовъ. Выходилъ, на примѣръ, нѣмецъ, въ кургузыхъ пестрыхъ панталонахъ, зеленомъ фракѣ, красномъ галстукѣ и съ цилиндромъ на головѣ, и пѣлъ о томъ, какъ:

У одинъ у мужикъ одинъ женушекъ билъ,
Карошеньки, миленьки, — да!

И женушекъ этотъ зольдатикъ любилъ, и т. д.

ВОСПОМИНАНІЯ О НИЖЕГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ 60-ХЪ ГОДОВЪ.

или татаринъ, въ халатѣ и золотой тюбетейкѣ, пѣлъ:

Ми казански синъ купса,
Свой имѣимъ лавка:
Сѣрна спичка бисъ кунса,
Сэкій лоскутъ, трапка...

или хохоль, въ широчайшихъ шароварахъ и смушковой шапкѣ, съ куплетами изъ «Москаля-чаривника»:

Зѣ того часу, якъ женився,
Я никола не журывся!

или армянинъ, съ жалобной пѣсней о томъ, какъ онъ, отъ безнадежной любви къ жестокой красавицѣ, бросится въ Куру:

По Курѣ плыветъ Шамай
Съ радостнымъ душою;
Если хочишь, то поймай
Удочкамъ болшою...

и о томъ, что будетъ, когда поймають его тѣло:

Вотъ палыція приходитъ
Съ какая нибудь дохтурой,
Операціямъ производитъ
Надъ мой бѣдной животой...

или чухна, въ мѣховой шапкѣ и съ трубкой, запоетъ о томъ, какъ

Лайба былъ моя не пустьъ,
Какъ я плылъ на Тавастгустъ.
Лайба былъ, лайба плылъ,
Миня ошень весель былъ...

И все это незатѣйливое передразниванье разныхъ народностей въ смѣхотворныхъ куплетахъ приходилось какъ нельзя больше по вкусу тогдашней публики, и даже татары и армяне на ярмаркѣ не обижались, видя на сценѣ карикатурное свое изображеніе.

Водевиль,—старинный водевиль 30-хъ и 40-хъ годовъ, уже совсѣмъ

отцвѣтавшій въ ту пору въ столицахъ,—на провинціальной сценѣ былъ еще въ полномъ ходу. Безъ водевиля не обходился ни одинъ спектакль, и даже самъ В. В. Самойловъ, гастролируя въ Нижнемъ, не гнушался послѣ «Гамлета» въ тотъ же вечеръ выступать въ роли англичанина въ «Купленномъ выстрѣлѣ». Особенною любовью нижегородской публики пользовались водевили съ переодѣваніемъ, какъ, напр., «Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ», «Актеръ» Некрасова, «Дочь русскаго актера» и т. п.; но и болѣе простыя произведенія этого рода всегда находили самый радушный пріемъ. Въ названныхъ трехъ водевиляхъ, и еще въ нѣкоторыхъ другихъ, отличался В. В. Самойловъ во время своихъ наѣздовъ на ярмарку. Иногда онъ пріѣзжалъ съ своей сестрой, Надеждой Васильевной, и они выступали вмѣстѣ, напр., въ роляхъ Жерома и Мадлены въ водевилѣ «Что и деньги безъ ума?» или въ «Материнскомъ благословеніи». Въ водевиляхъ Самойловъ былъ превосходнымъ пѣвцомъ и даже танцоромъ. Вообще, въ ту пору, о которой я говорю, водевилъ въ провинціи пользовался еще любовью публики и шумнымъ успѣхомъ. Помню, какъ я былъ удивленъ, когда, пріѣхавъ въ 1871 г. въ Петербургъ, увидѣлъ, что въ Александринскомъ театрѣ водевили идутъ совсѣмъ плохо и рѣдко, и что дѣйствующіе въ нихъ актеры и актрисы не поютъ, а «сказываютъ» куплеты...

Изъ ролей серьезнаго репертуара В. В. Самойловъ игралъ въ Нижнемъ Гамлета, Ришелье, Кина, Нарциса, Кречинскаго, Жоржа Дорси въ «Гувернерѣ» Дьяченка, Оброшенова въ «Шутникахъ», Пузовка въ «Однодворцѣ» и многія другія, которыхъ теперь не припомню.

Изъ другихъ столичныхъ знаменитостей наѣзжали въ Нижній въ мое время С. В. Шумскій, котораго я видѣлъ, между прочимъ, въ «Продѣлкахъ Скапена», и П. В. Васильевъ, игравшій Любима Торцова и Кита Китыча въ «Тяжелыхъ дняхъ». Много разъ потомъ видѣлъ я «Бѣдность не порокъ» въ Петербургѣ, но ни одинъ изъ позднѣйшихъ исполнителей роли Любима не могъ вытѣснить изъ моей памяти твердо врѣзавшійся въ нее образъ, созданный Павломъ Васильевымъ. Съ перваго своего появленія на сценѣ, въ дверяхъ приказчицкой, съ поднятой кверху рукой и комически-

ВОСПОМИНАНІЯ О НИЖЕГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ 60-ХЪ ГОДОВЪ.

грознымъ окрикомъ на Любу: «Стой! Кто таковъ? По какому праву? Взять ее подъ сумлѣніе!»—Васильевъ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе. Его разсказъ Митѣ о своей жизни, передаваемый просто, безъ всякихъ будто бы «реалистическихъ» прикрасъ, вродѣ почесыванья и позѣвыванья, захватывалъ своею искренностью и глубокимъ, щемящимъ сердце, юморомъ. Живо помню его интонацію, съ какой-то блаженной пьяной улыбкой, когда, свернувшись «калачикомъ» подъ теплымъ тулупомъ и засыпая, онъ уже въ полуснѣ говоритъ: «А я съ братомъ... смѣшную штуку сдѣлаю!» Въ послѣднемъ дѣйствіи его возгласъ изъ-за спинъ заслонившихъ его людей: «Братъ! Отдай Любушку за Митю!» нельзя было слышать безъ слезъ, невольно подступавшихъ къ глазамъ... Въ роли смѣшного самодура Брускова Васильевъ также весьма простыми средствами достигалъ удивительнаго эффекта: глядя на него, вамъ становилось понятно, какимъ образомъ могъ выработаться этотъ типъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, становилось почти жалко этого человѣка, когда ловкій Досужевъ заставляетъ его подчиниться своему требованію и уходитъ, отказываясь отъ вознагражденія и угощенія. Подъ корою грубаго лавочника Васильевъ сумѣлъ разглядѣть и проявить общечеловѣческія черты.

Кромѣ этихъ двухъ ролей, Васильевъ игралъ въ Нижнемъ еще Льва Краснова въ драмѣ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». И въ этой пьесѣ онъ также удивлялъ зрителей тонкой отдѣлкой деталей своей психологически очень сложной роли. При первомъ своемъ выходѣ, съ «фунтиками» мармеладцу, Васильевъ производилъ почти комическое впечатлѣніе; но это впечатлѣніе постепенно исчезало подъ вліяніемъ проявленій глубокаго внутренняго страданія, которымъ все сильнѣе и сильнѣе мучится этотъ простой, беззавѣтно любящій человѣкъ, постепенно убѣждаясь въ равнодушіи, худо скрытомъ отвращеніи и, наконецъ, въ измѣнѣ своей жены. Въ послѣднемъ дѣйствіи Васильевъ выросталъ на глазахъ зрителя до трагическаго героя. Самая внѣшность его какъ то преображалась, голосъ становился напряженно-звонкимъ, движенія нервно-порывистыми. Когда онъ бросался за женой въ ея спальню, вамъ становилось страшно, и наступив-

шая пауза казалась безконечною... Рѣзкій визгъ... паденіе рухнувшего тѣла... и на сценѣ снова появляется Красновъ, но уже совсѣмъ не тотъ, какимъ мы его только что видѣли: едва переступая невѣрными шагами, съ прилипшими ко лбу въ беспорядкѣ волосами, съ тупымъ взглядомъ, какъ бы застывшимъ на одной точкѣ, онъ глухимъ, хриплымъ, едва внятнымъ голосомъ, точно въ забытіи, произноситъ: «Вяжите меня— я убилъ ее!»

Благодаря П. Васильеву и вообще частному появленію пьесъ Островскаго на нижегородской сценѣ, мы, гимназисты, хорошо познакомились съ произведеніями этого писателя, читали и перичитывали ихъ вмѣстѣ съ «Темнымъ царствомъ» Добролюбова, вызывавшимъ въ нашемъ кругу оживленные толки и споры.

Наѣзжалъ на ярмарку и И. Ѳ. Горбуновъ, котораго мы, впрочемъ, тогда не особенно цѣнили.

Зимой 1866 или 1867 г.г. неожиданно появились совсѣмъ небывалые раньше гастролеры: Богъ вѣсть откуда взялась цѣлая труппа настоящихъ итальянцевъ, съ капельмейстеромъ Валентетти, познакомившая нижегородскую публику съ цѣлымъ рядомъ оперъ, — конечно, болѣе легкихъ въ смыслѣ пѣнія и постановки. Такъ, итальянцами были исполнены: «Марта», «Линда ди Шамуни», «Марія Роганъ», «Риголетто», «Баль-маскарадъ» и, кажется, еще что-то. Публика охотно посѣщала представленія итальянской оперы, а среди молодежи они вызывали прямо восторгъ, несмотря на всю примитивность исполненія. Но залетные гости оставались у насъ недолго и исчезли такъ же внезапно, какъ и появились. Въ Нижнемъ остался только одинъ дирижеръ Валентетти, котораго Смольковъ удержалъ для своего театральнаго оркестра.

Что касается постоянной нижегородской труппы, то она была составлена, для провинціального театра, очень порядочно. Въ этомъ отношеніи Смольковъ обладалъ извѣстнымъ «чутьемъ» и умѣньемъ привлекать талантливыя молодая силы. Имена А. П. Ленскаго, Н. И. Арди, Н. В. Самойлова, уже названныя выше, служатъ доказательствомъ правильности

воспоминанія о нижегородскомъ театрѣ 60-хъ годовъ.

выбора Смолькова. Старѣйшимъ изъ артистовъ нижегородской сцены въ мое время былъ Владиміръ Максимовичъ Трусовъ, прослужившій въ театрѣ чуть ли не больше тридцати лѣтъ, безъ котораго не обходился положительно ни одинъ спектакль. Трусовъ не стѣснялся въ выборѣ своихъ ролей никакими требованіями «амплуа» и игралъ все, что попадало подъ руку: Полонія, Лаэрта, а при необходимости—хоть и самого Гамлета, и важнаго барина, и купца, и мужика, и перваго любовника, и какого-нибудь смѣшного жида въ водевилѣ, и французскаго маркиза, и итальянскаго художника, который, устами почтеннаго Владиміра Максимовича, гласилъ о высокихъ идеалахъ искусства и называлъ своего великаго учителя—«Микёль Анджели», и, наконецъ, Юпитера, летающаго мухой вокругъ Эвридики въ «Орфеѣ въ аду». Надъ его «всеобъемлющимъ талантомъ» нижегородцы добродушно подсмѣивались, но такъ же добродушно его любили и охотно прощали его слабости и неловкости. И Смольковъ очень цѣнилъ его, зная, что за Трусовымъ онъ, какъ за каменной стѣной, можетъ укрыться отъ всѣхъ превратностей репертуара: что бы ни случилось, Трусовъ выручитъ, какъ это и доказали представленія «Іоанна Грознаго», о которыхъ сказано было выше. Занятый въ каждомъ спектаклѣ, имѣя на рукахъ множество самыхъ разнообразныхъ ролей, Трусовъ, конечно, не могъ похвалиться твердымъ ихъ знаніемъ. На помощь приходилъ суфлеръ, съ которымъ иногда дѣло не обходилось безъ крупныхъ недоразумѣній,—но все благополучно сходило съ рукъ...

Амплуа «трагика», столь важное и необходимое въ каждой труппѣ по тогдашнему репертуару, много лѣтъ подрядъ занималъ Михаилъ Семеновичъ Яковлевъ, пожилой и очень добродушный по натурѣ человѣкъ, горячій поклонникъ Каратыгина, которому онъ старался подражать и въ тонѣ, и въ мимикѣ. До чего доходило это подражаніе, можно видѣть изъ одного примѣра. Яковлевъ всегда говорилъ о Каратыгинѣ не иначе, какъ съ умиленіемъ, и готовясь играть роль «Денщика» Кукольника, рассказывалъ, какъ Василій Андреевичъ произносилъ слова о преобразованіи Россіи Петромъ Великимъ:

Я видѣлъ, какъ великій анатомъ
Разсѣкъ Россіи одряхлѣвшей тѣло,
Перемѣнилъ въ ней внутренность гнилую,
Сложилъ ея очищенные члены
Искусно всю перевязалъ порядкомъ,
За уши поднялъ, на ноги поставилъ,—
И степь Московская, Китай Европы,
За дивныя заслуги государя
Въ Имперію возведена соборнѣ!

Все это Каратыгинъ говорилъ, стоя на мѣстѣ, но передъ послѣднимъ стихомъ торжественно выступалъ на самый край авансцены, къ находившейся направо ложѣ, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Императоръ Николай Павловичъ,— и произносилъ этотъ стихъ, съ глубокимъ поклономъ простирая руки по направленію къ государю. Этимъ приемомъ Каратыгинъ неизмѣнно вызывалъ громъ рукоплесканій. И вотъ, Яковлевъ считалъ своимъ долгомъ непремѣнно продѣлывать то же самое, обращаясь, разумѣется, не къ царской, а къ губернаторской ложѣ, въ которой сидѣлъ даже не губернаторъ, а какая-то старушка съ двумя кадетиками...

Декламація почтеннаго Михаила Семеновича, по всей вѣроятности, также была подражаніемъ Каратыгинской: она отличалась пѣвучими перебивками и торжественностью пафоса, а въ особенно сильныхъ мѣстахъ роли доходила прямо до неистоваго крика. Впослѣдствіи, слушая слова Аркашки о томъ, что «оралы-то нынче не въ модѣ», я всегда вспоминалъ фигуру и голосъ нашего нижегородскаго трагика...

Яковлева, пробывшаго на нижегородской сценѣ четыре или пять лѣтъ, смѣнилъ Васильевъ. Это былъ трагикъ уже иного, измѣнившася типа, далекій отъ Каратыгинской выучки, гораздо менѣе «сильный», но за то и болѣе простой и симпатичный. Онъ не особенно любилъ выступать въ роляхъ Ляпунова, Басенка и т. п., и съ его появленіемъ драмы Кукольника мало по малу исчезли изъ нижегородскаго репертуара. Обладая недурнымъ басомъ, Васильевъ выразительно пѣлъ въ дивертисментахъ романсы и

ВОСПОМИНАНІЯ О НИЖЕГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ 60-ХЪ ГОДОВЪ.

вообще охотно брался за драматическія роли съ пѣніемъ, какъ, напр., въ «Двумужницѣ» Шаховскаго.

Васильевъ оставался въ Нижнемъ недолго. На смѣну ему явился молодой—уже не «трагикъ», а просто актеръ «на первыя роли» А. А. Ральфъ (Аттиль), отставной гвардейскій офицеръ, обладавшій изящными манерами свѣтскаго человѣка, съ легкой картавостью въ произношеніи. При немъ старинная трагедія уже окончательно сошла со сцены. Да и пора было: шла уже вторая половина 60-хъ годовъ! Ральфъ выступалъ въ Чацкомъ, въ пьесахъ Дьяченка, Манна и вообще въ «салонныхъ» драмахъ и комедіяхъ, а также и въ мелодрамѣ, и даже самъ поставилъ на нижегородской сценѣ свой переводъ комедіи Сарду «Les vieux garçons», подъ заглавіемъ «Трутни»,—впрочемъ, безъ особеннаго успѣха. Въ Нижнемъ же онъ и женился на молоденькой ingénue Н. А. Немировой 2-й, старшая сестра которой, Марья Антоновна, обычно исполняла главныя роли въ драмахъ и особенно—въ комедіяхъ.

О другомъ бывшемъ гвардейцѣ, Н. В. Самойловѣ, уже говорилось выше. Нижегородская сцена была, можно сказать, пробой его дарованія, которое въ послѣдствіи доставило ему видное мѣсто и въ петербургской драматической труппѣ.

Комическія, резонерскія и разныя бытовыя роли игралъ Загорскій, котораго я потомъ, въ 1882 году, встрѣтилъ на сценѣ злополучнаго «Перваго Русскаго частнаго театра» покойнаго Д. Д. Коровякова, потерпѣвшаго самое рѣшительное фіаско и закрывшагося ровно черезъ мѣсяць послѣ своего торжественнаго открытія. Большинству артистовъ, принявшихъ ангажементъ въ труппу Коровякова, пришлось уйти изъ Петербурга чуть не по шпаламъ,—и въ числѣ этихъ пасынковъ судьбы, кажется, былъ и старикъ Загорскій...

Въ водевиляхъ потѣшали публику старый актеръ Пруссаковъ, нѣкогда, чуть ли еще не въ 40-хъ годахъ, служившій на Александринской сценѣ, и молодой Мухинъ. Пруссаковъ также часто появлялся и въ дивертисментахъ съ татарскими, армянскими, нѣмецкими и т. п. комическими куплетами.

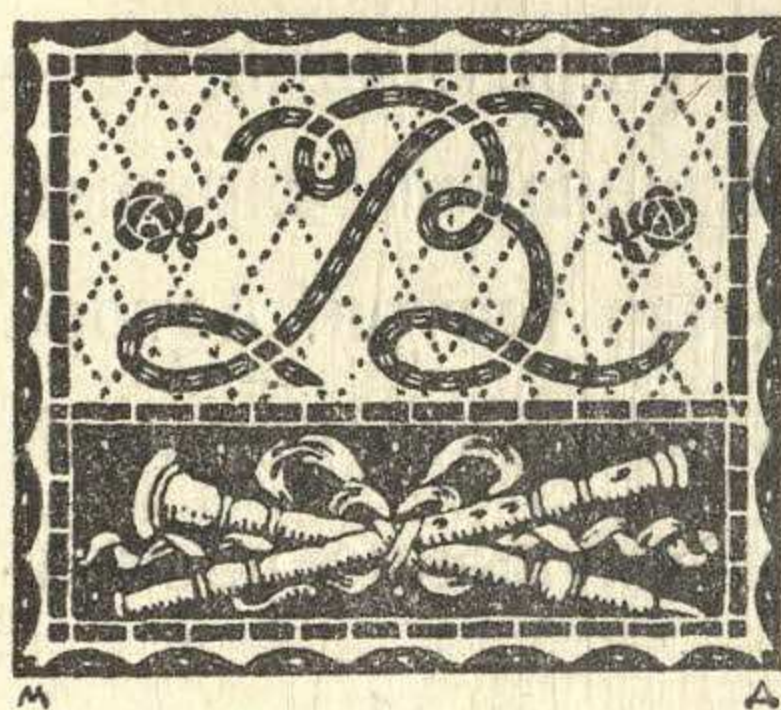
Изъ женскаго персонала труппы никто, кажется, не выдѣлялся какими-нибудь особенными дарованіями. Помню старуху Вышеславцеву, Сахарову, истеричную Стрѣлкову въ раздирательныхъ мелодрамахъ, въ родѣ «Серафимы Лафайль» и т. п., еще нѣкоторыя другія имена... Но никакого опредѣленнаго представленія съ этими именами у меня не соединяется, почему и говорить о нихъ мнѣ нечего.

Вообще же Нижній мнѣ памятенъ и дорогъ какъ своимъ театромъ, пробудившимъ во мнѣ горячую любовь къ сценѣ, которой я обязанъ многими счастливыми минутами въ своей жизни, такъ и своими театрами, среди которыхъ было много людей очень образованныхъ и преданныхъ интересамъ литературы. Общеніе съ такими людьми въ годы ранней юности было для меня и моихъ товарищей, несомнѣнно, великимъ благомъ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ И ТЕАТРАЛЬНАЯ КРИТИКА.

(Нѣкоторыя данныя къ біографіи поэта).

П. Н. СТОЛПЯНСКАГО.

Въ біографическомъ очеркѣ, прилагаемомъ къ «Собранію стихотвореній Н. Некрасова» и печатаемомъ чуть ли не стенографически съ перваго посмертнаго изданія этого собранія, на страницѣ XIV. значится: «Съ 1841 по 1845 годъ слѣдуетъ періодъ жизни Некрасова самый темный въ біографическомъ отношеніи». Далѣе, авторъ біографіи указываетъ, что этотъ періодъ является важнѣйшимъ періодомъ жизни Некрасова, такъ какъ въ продолженіи его происходило формированіе умственныхъ и нравственныхъ силъ Некрасова и «подъ конецъ его Некрасовъ является уже передъ нами такимъ, какимъ оставался почти неизмѣнно во всю свою послѣдующую жизнь».

Поэтому, намъ думается, что всякія подробности, такъ или иначе освѣщающія указанный періодъ времени жизни Некрасова, могутъ имѣть